

МИЛИТАРИЗМ США КАК КОММЕРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Для корыстного
духа коммерции
не существует
ни родины, ни чувств,
ни принципов –
одна нажива.

Томас Джефферсон,
третий президент США
(с 1801 по 1809 год)

Войны всегда являлись сверхприбыльным бизнесом для третьих сил – не принимающих участия в боевых действиях, но приумножающих личный капитал за счет потребности противоборствующих сторон в ресурсной базе. Наиболее преуспели в этой роли Соединенные Штаты Америки.

Вплоть до середины XX века США были защищены от разрушительных войн, которыми изобилует центр мировой политической активности – Европа. Выгодно располагаясь между двух океанов, американцы наблюдали за деструктивными процессами со стороны, без каких бы то ни было негативных для себя последствий. В то же время в силу исторических связей с европейскими политическими элитами Вашингтон отслеживал ситуацию и в любой момент мог вмешаться в ход событий. В совокупности эти два обстоятельства и создали предпосылки для американского лидерства в XX столетии.

Важно отметить, что США – корпоративное государство, чье правительство формируется из числа собственников крупного частного капитала, представленного транснациональными корпорациями (ТНК), и на их денежные средства. Следовательно, принимаемые американским государством решения преследуют интересы прежде всего частных коммерческих кругов.

Первая мировая война стала и первой пробой американских корпораций в роли сторонних интендантов для воюющих субъектов. В 1982 году Норманн Додд (бывший банкир и эксперт конгресса США в сфере налоговых льгот) утверждал, что могущественные частные лица, из-за кулис контролировавшие финансы, политику и правительства в США, фактически спланировали участие Соединенных Штатов в той войне в целях удовлетворения собственной жадности власти: «Год 1908-й, когда начал свою работу Фонд Карнеги. В этом году на встрече попечителей впервые был поднят специфический вопрос, который они потом очень заинтересованно обсуждали вплоть до конца года. Этот

вопрос был следующим: существуют ли более эффективные, чем война, средства навязать свою волю всему человечеству? И они пришли к выводу, что человечеству неизвестны другие более эффективные средства, чем война. Поэтому в 1909 году они задались другим вопросом: как вовлечь Соединенные Штаты в войну?.. Тогда они еще вели протоколы и оставили в них шокирующее признание об отправке телеграммы президенту В. Вильсону, предупреждавшей его о необходимости не допустить слишком скорого окончания войны» (отрывок интервью с Н. Доддом, записанный американским телеведущим Э. Гриффином).

По оценке советского военного ученого Е. Барсукова, с 1914 по 1916 год только Российская империя влила в американский рынок 1,8 млрд. рублей золотом, причем «без достаточно положительных для себя результатов» [10, с. 136]. Из Первой мировой войны США вышли могущественной державой, но вскоре столкнулись с масштабным экономическим кризисом 1930-х годов, когда за одну ночь все, кто держал сбережения в долларах, потеряли порядка 40% капитала.

Вторая мировая война вывела Штаты из коллапса по аналогичной схеме. Представитель династии американских миллиардеров Дэвид Рокфеллер вспоминал: «Оборонные затраты резко возросли в середине 1940-х после падения Франции как для того, чтобы повысить нашу собственную готовность, так и для того, чтобы снабдить британцев (а позже – русских) вооружениями и другими материалами. Государственные контракты на все мыслимые предметы, от танков до шоколада, способствовали конверсии старых фабрик для новых областей применения и стиму-

лировали строительство новых фабрик по всей стране» [8, с. 150]. Исходя из того, что по завершении войны 1939–1945 годов американская экономика доминировала в мире (на тот момент в США было сконцентрировано порядка 80% мирового запаса золота), по договоренности стран-победителей (Бреттон-Вудское соглашение) была введена новая международная валютная система, в которой американский доллар был признан ведущей мировой валютой.

Таким образом, пока мировые державы были вовлечены в изнуряющее противостояние, США колоссально обогащались. В своих назиданиях американской военно-морской элите влиятельный геополитик Алфред Мэхэн приводит следующие типичные примеры того, какие преимущества получали в XVIII веке отдельные государства, находясь в положении третьей силы: «В то время как Америка боролась за существование и борьба между Англией, Францией и Испанией шла по всему земному шару, нидерландские корабли выставляли напоказ флаг своего государства на всех морях и Остенде [один из ведущих портовых городов Нидерландов того периода. – Авт.] быстро обогащался». В другом случае: «Великая Российская империя не переставала расширяться... этому успеху России способствовало то обстоятельство, что Франция и Англия, вследствие их старинного соперничества и колониальных притязаний, постоянно были заняты друг другом» [6, с. 4, 6].

Установившееся с середины XX века экономическое лидерство США автоматически вылилось в политическое. Оно сопровождалось мощными темпами наращивания Соединенными Штатами вооруженного потенциала и увеличения роли национальных вооруженных сил в экспансии на мировом пространстве. Правда, параллельно не менее мощными темпами развивался СССР – единственный оппонент США в борьбе за мировое господство в тот период. Так как прямое столкновение ядерных держав было контрпродуктивным, ареной военного противостояния соперников стали страны третьего мира. На данном этапе

США перешли от роли стороннего наблюдателя в глобальных военных кампаниях к тактике инициирования малых конфликтов. Вследствие локальности войн Штаты не могли извлекать прибыль равную той, что имели ранее. Однако потери компенсировались за счет геополитической ценности театра военных действий и количества конфликтных очагов.

На протяжении последних десятилетий именно Пентагон выступает гарантом частных американских капиталовложений. При отсутствии явных угроз планетарного масштаба США интенсивно продолжают наращивать арсенал.

Военный бюджет сверхдержавы равен оборонным затратам Китая, России, Англии и Германии вместе взятым – в 2008 году он достиг 696 млрд. долларов. Причем в действительности на защиту своих интересов в оборонной сфере США тратят значительно большую сумму. Ведь многие расходы проводятся по другим статьям, минуя военный бюджет. Это относится к военному строительству, финансированию социальных программ ветеранов, а также военных кампаний в Ираке и Афганистане, обслуживанию ядерного арсенала, военным расходам по линии Госдепартамента и расходам на обеспечение безопасности собственно территории США.

В случае угрозы потерять доминирующее положение на мировых рынках либо при отказе других государств предоставить доступ к желаемой экономической зоне американские ТНК привлекают на помощь национальные вооруженные силы США. Так произошло, например, во время борьбы за Панамский канал. Д. Рокфеллер вспоминал: «Чейз» (банк династии Рокфеллеров. – Авт.) работал в Панаме и в зоне канала на протяжении 25 лет и имел 50% всех банковских депозитов на двух этих территориях. Мы осуществляли финансовые операции по сбору платы за прохождение судов через Панамский канал, по экспорту сахара и бананов, а также финансировали деловую

активность местных торговцев в Панама-Сити и Колоне. Наши депозиты в огромной степени превышали предоставляемые нами кредиты» [8, с. 132]. Когда местная элита попыталась национализировать канал, США приняли экстренные меры по недопущению потери прибыльного региона – ввели в Панаму войска и арестовали действующего президента М. Норьеги (1989 год).

«Комфортные» условия для американского «коммерческого милитаризма» завершились с распадом СССР, когда оборонная промышленность США утратила мотивацию для дальнейшего наращивания производства. Американский милитаризм остро нуждался в новом моральном обосновании своих глобальных притязаний. В итоге выкристаллизовалась идея борьбы с так называемым «международным терроризмом» (современными «варварами»).

По словам экс-министра обороны США Д. Рамсфельда, Пентагон приготовился к ведению «длительной войны... по аналогии с холодной». Отныне любое сопротивление американской гегемонии можно трактовать как проявление терроризма и угрозу «западной демократии», что фактически легализует право США на одностороннее применение силы. Теракты против США 11 сентября 2001 года (их происхождение вызвало много споров) положили начало эпохе глобальной и безоговорочной «борьбы демократического мира с терроризмом». В короткие сроки малоизвестное явление обрело планетарный масштаб, так что под статус «террористических» попадают уже целые государства (пресловутая «Ось зла»).

Невероятно интенсивное распространение терроризма легко объясняется исходя из концепции «управляемого хаоса», широко практикуемой США начиная с 1970-х годов в борьбе против СССР. Согласно этой теории именно хаос выступает инструментом обеспечения национальных интересов США на международной арене. В условиях дестабилизации, а значит, частичной утраты институтами государства легитимности последним легко придать

негативный имидж. При этом всякая попытка национальной элиты восстановить прежнее влияние трактуется внешними силами как проявление экстремизма. Один из ведущих экспертов теории и методологии «управляемого хаоса» Стивен Ман (с 2004 года – спецпредставитель президента США по евразийским вопросам) определяет задачу следующим образом: «Мы должны быть открытыми перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам – например, при уничтожении иракской военной машины и садамовского государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор» [7]. Иными словами, США искусственно взращивают экстремистские настроения, с которыми затем и ведут борьбу, вовлекая в эту инсценировку все мировое сообщество. Типичным примером в этом плане является пресловутый режим С. Хусейна, который в свое время был всемерно укреплен при непосредственном участии США для борьбы с враждебным Вашингтону Ираном, а затем сам стал мишенью американской военщины. Также и афганские моджахеды были обучены и вооружены Штатами против СССР, после чего стали объектом Пентагона [9].

Отдельные эксперты склонны считать, что США просто умеют извлекать выгоду из трагических событий, как то: упомянутые мировые войны или атаки террористов 11 сентября, повлекшие вторжение США в Афганистан, а затем в Ирак. Однако представители военного командования США не скрывают, что план агрессии против Ирака и Афганистана существовал задолго до означенных событий. Выступая в Центре Кеннеди, экс-глава центрального командования вооруженных сил США генерал Томми Фрэнкс вспоминал: «В конце августа 2001 года я провел секретную встречу с главой пакистанской

разведки. А чуть позже полетел на встречу с президентом Мушаррафом. Тогда нас очень волновала ситуация в Афганистане. Кстати, там нам очень помогли русские. Мы обратились к их помощи, чтобы понять, как бросить 260 тыс. человек в пески и не потерять 15 тыс. из них» [3]. В свою очередь публицист Патрик Мартин констатирует: «Американские масс-медиа систематически скрывали действительные экономические и стратегические интересы, которые стоят за войной в Афганистане, чтобы поддержать обман, будто война возникла совершенно внезапно, как реакция на террористические атаки 11 сентября... Быстрая победа поддерживаемых США сил разоблачает факт наличия тщательного планирования и подготовки проводимой американской военщиной операции, которые должны были начаться задолго до атак на ВТЦ и Пентагон... Если бы история перескочила через 11 сентября и события того дня никогда бы не произошли, то весьма вероятно, что Соединенные Штаты в любом случае вступили бы в войну против Афганистана, причем приблизительно в те же сроки... Правящая элита Соединенных Штатов по меньшей мере десятилетие обдумывала возможность начала войны в Центральной Азии» [5].

На современном этапе все военные кампании с участием США протекают в регионах, представляющих интерес для коммерческих групп, поддерживающих одну из двух правящих элит страны. В 1992 году Фонд Карнеги подготовил специальную работу, посвященную проблеме фактора силы в международных отношениях («Changing Our Ways: America and the New World»), и в сентябре 1993 года будущий госсекретарь США (в то время постоянный представитель США в ООН) М. Олбрайт заявила о необходимости использования Соединенными Штатами военной силы, обозначив следующие потенциальные направления ее применения: угроза распространения оружия массового поражения, терроризм, урегулирование этнических конфликтов, защита и продвижение демократии.

В 1990-х годах, при «демократах», внимание сверхдержавы было сосредоточено на европейском направлении – приоритетном для данной политической группы. Это выразилось в череде вооруженных конфликтов на Балканах, финалом которых стала бомбардировка Югославии. Генеральная цель данных мероприятий была связана с намерением США установить контроль над ключевым энергетическим коридором, проходящим через полуостров и связывающим богатый углеводородами Каспий с европейским континентом. Как следствие, в принудительно отторгнутом от Сербии крае Косово создана самая мощная американская военная база «Бондстил». По выражению министра по делам Косово и Метохии в правительстве Сербии С. Самарджича, «теперь весь мир может увидеть, какие на самом деле преследовались цели во время бомбардировок Югославии – это создание натовского государства в границах независимого Косово со столицей в виде американской базы «Бондстил». Предназначение американских военных баз раскрывает и Пол Вулфовиц (замминистра обороны США в 2001–2005 годах; президент Всемирного банка в 2005–2007 годах): «Функция военных баз больше политическая, нежели военная. Они посылают сообщение всем» [1].

С приходом в Белый дом администрации Дж. Буша США сменили вектор внешнеполитической активности на ближневосточный в соответствии с традиционным для данной элитарной группы направлением экспансии. Применяемая в отношении большинства арабских стран тактика «взаимовыгодной лояльности» не получила распространения на строптивые режимы Ирака и Ирана, при том что запасы углеводородного сырья в этих странах колоссальны. Оккупация Ирака стала делом времени. Аналогичная перспектива для Ирана не вызывает сомнений. Пока что политика США в регионе способствует достижению прямых, тактических целей – овладению углеводородным сырьем. Между тем страны Ближнего Востока находятся на стыке границ ведущих держав: Индии, Китая, России. Все они способны

ЛИТЕРАТУРА

1. Америка стягивает земной шар стальным обручем военных баз // Информационно-аналитическое агентство «Маркетинг и консалтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.iamik.ru/8020.html>. – Дата доступа: 11.02.2008.
2. Волков, Г. «Деньги на крови» / Г. Волков // 7 дней. – 2006. – № 18. – С. 4.

3. Вторжение США в Афганистан планировалось до терактов 11 сентября // Информационное агентство «Новости Центральной Азии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ferghana.ru>. – Дата доступа: 17.03.2004.
4. Караганов, С. Новая эпоха противостояния / С. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4. – С. 12.
5. Мартин, П. США планировали войну в Афганистане задолго до 11 сентября / П. Мартин // Мировой социалистический веб-сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wsws.org/ru/2001/dez2001/plan-d03.shtml>. – Дата доступа: 03.12.2001.
6. Мэхэн, А. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю: в 2 т. / А. Мэхэн. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 573 с. – Т. 2.
7. Неклесса, А. Новый мировой беспорядок / А. Неклесса // Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/11/02/aleksandr_neklessa_mir_indigo_beseda_vtoraja.html. – Дата доступа: 22.04.2008.
8. Рокфеллер, Д. Банкир в XX веке / Д. Рокфеллер. – М.: Международные отношения, 2003. – 497 с.
9. Саттон, Э. Как Орден организует войны и революции / Э. Саттон. – М.: Паллада, 1995. – 128 с.
10. Семенов, С.Н. Брусилов / С.Н. Семенов. – М.: Мол. Гвардия, 1980. – 318 с.
11. Шакур, А. НАТО вступает в «нефтяную войну» // Эхо. – № 85 (1566) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echo-az.com/archive/2007_05/1566/zarubej04.shtml. – Дата доступа: 16.05.2007.

в будущем бросить вызов американскому господству. Поэтому стратегической целью США в данном регионе может быть его умышленная дестабилизация, с тем, чтобы создать эпицентр развития уже глобального военного конфликта, так называемый «радиус агрессии». В этом случае Соединенные Штаты снова обретут утраченную ими функцию «стороннего интенданта».

Иницируемые Вашингтоном конфликты представляют многоступенчатый механизм извлечения прибыли. Американские финансовые круги ссужают деньги на войну. Пентагон осуществляет интервенцию и удерживает завоеванные позиции, параллельно стимулируя оборонную промышленность. Затем подключаются корпорации, специализирующиеся на восстановлении разрушенной бомбардировками инфраструктуры (уместно напомнить о нашедшей «Халибертон» – компании бессменного вице-президента США Д. Чейни). На завершающем этапе наступает черед нефтегазовых концернов, которые выступают посредниками в реализации экспорта нефти. При этом под предлогом компенсации расходов, понесенных в процессе «установления демократии», фактически вся прибыль от продажи сырья возвращается в американские банки. Цепь замыкается. Схема отчетливо просматривается на примере оккупированного Ирака [2].

Данный расклад объясняет причину неестественного, казалось бы, поведения финансистов, выделяющих на войны огромные средства, при том, что стабильности в зоне конфликта так и не удается достичь. Согласно подсчетам Бюджетного управления администрации США, война в Ираке и Афганистане обходится сверхдержаве в сумму порядка 7 млрд. долларов ежемесячно. В ближайшие 10 лет эти расходы могут превысить 2,4 трлн. долларов.

В начале прошлого века большая часть энергоресурсов находилась в собственности США. Однако в результате национально-освободительных процессов значительная их доля перешла в собственность национальных государств

[4, с. 12]. Нефтяной кризис 1973–1977 годов в полной мере продемонстрировал возможности тех, кто контролирует углеводороды: доходы стран – экспортеров нефти тогда выросли на 600%, достигнув 140 млрд. долларов. «Проводимое ОПЕК повышение цен на нефть показало финансовое могущество богатых нефтью стран этого региона – как больших, так и малых. Решения, принимавшиеся относительно небольшой горсткой людей в Саудовской Аравии, Ираке, Иране, Алжире и даже в маленьких эмиратах, рассеянных вдоль южной кромки Персидского залива, могли оказывать огромное воздействие на мировую экономику» [8, с. 293]. Очевидно, именно тогда Штаты стали вынашивать планы тотальной экспансии в нефтеносных регионах.

Прикрытием для корпоративных целей служит ряд внешне гуманных идей: установление демократического режима (Ирак), соблюдение прав человека (Югославия) или борьба с международным терроризмом (Афганистан). Впрочем, в последнее время Пентагон уже открыто позиционирует себя в качестве глобального секьюрити частного капитала. По утверждению директора политического планирования НАТО Джими Шеа, альянс «активно рассматривает возможность использования ВМС НАТО в интересах нефтегазовых компаний», и корпорации проявляют к этой идее все больший интерес [11].

Таким образом, экономическое процветание Соединенных Штатов Америки в течение последних ста лет напрямую связано с мировыми и локальными войнами человечества. В этой системе инспирированного глобального милитаризма олицетворяющий международное террористическое движение «террорист № 1» Усама бен Ладен бесспорно является наиболее инвестируемым коммерческим проектом современности. В него вовлечены все субъекты мировой политики. Правда, дивиденды достаются только США. Участь остальных – хаос и зависимость.

Глеб ВОЛКОВ,
аспирант Академии управления
при Президенте Республики Беларусь ■